

Это еще что такое, чего вы тут таращитесь?

Мой второй брат хочет подписать бумагу о разрыве отношений, родители просят вас помочь составить документ.

Ты чего говоришь? — изначально небрежный деревенский староста мгновенно в шоке поднялся на ноги. Услышав, что второй сын семьи Шэнь намерен порвать родственные узы, он тоже заволновался и поспешил ближе, намереваясь уговорить мужчину одуматься.

Однако, подойдя к месту и увидев состояние Шэнь Чанъи, староста почувствовал, как у него внутри всё оборвалось, и мысленно выругался: похоже, уговорить здесь уже никого не удастся.

Дэцай, что здесь происходит? С чего вдруг такой порыв разорвать родню? Пока старшие живы, разрывать отношения не положено!

Брат староста, я всё понимаю, но этот неблагодарный сын просто отвратителен! Потворствует своей жене, которая дерзит родной матери, и без конца орет о разделении семьи. Я подумал, что лучше сразу согласиться, по крайней мере, меньше станет упреков.

С какого перепугу деление семьи превратилось в разрыв родственных связей?

А не этот ли принудил? — злобно выпалила госпожа Шэнь, урожденная Ли. — Этот дурачок и в таком-то виде им дорог, а отпустить его никак не хотят! Да сколько серебра уходит на одни лекарства, и не упомнишь! Какого же состояния хватит, чтобы они все растранижили?

Это... — староста лишился дар речи, тяжело вздохнул, посмотрел на Шэнь Чанъи и произнес: — Второй брат, так поступать — великая сыновняя неблагодарность! Подумай хорошенько о своих отце и матери. Этот маленький дурачок уже в таком состоянии, долго ему не протянуть. Избавиться от него — не великая беда, к чему из-за этого устраивать в доме кавардак?

Тем более сейчас мы на пути в бегах, еды и так не хватает, а этот Жань-гэр явно при смерти. Оставлять его — лишь обуза, твои родители вовсе не были неправы!

Шэнь Чанъи опустил взгляд, по-прежнему прижимаясь лбом к земле. Он хранил молчание и никак не отреагировал на уговоры старосты. В этот день его сердце действительно умерло.

Я, Шэнь Чанъи, не способен выбросить Жань-гэра, так что дяде старосте незачем больше уговаривать меня.

Услышав это, староста понял, что переубедить его уже невозможно, и с беспомощной гримасой покачал головой, тяжело вздохнув.

Люди спасаются от бедствия, все они беженцы, откуда у них лишние деньги на содержание дурака!

Тогда... рвите! — немного подождав, а видя, что Шэнь Чанъи молчит, староста больше не стал ничего говорить. Он взял кисть и решительными взмахами вывел на бумаге документ о разрыве родственных связей, после чего обратился к присутствующим: — Здесь нужно поставить подпись и оставить отпечаток пальца, после этого документ вступает в силу. У каждого из нас останется по экземпляру.

Кроме того, нужно выделить регистрацию домохозяйства семьи второго брата. После создания семьи такие документы выдаются по одному на каждый двор, достаточно просто извлечь нужную запись. Вместе со свидетельством о разрыве отношений потом можно будет заново зарегистрировать семью, это довольно удобно.

Госпожа Шэнь бросила взгляд на лежащий перед ней документ, снова посмотрела на Шэнь Чанъи и снисходительным тоном произнесла: — Второй, если ты согласен бросить жену и отказаться от этого дурака, я прощу твою сыновнюю неблагодарность. Возьмешь пареньков Хэн-цзы и Чэнь-цзы и возвращайся.

А как же Жо-цзэ? — охрипшим голосом спросил Шэнь Чанъи, с горькой усмешкой бросив: — От нее тоже отказаться, да?

Эта убыточная девчонка...

Мать! — взревел Шэнь Чанъи. — Я советую вам поберечь язык! Раз уж сегодня по вашей воле мы разрываем родню, то с сегодняшнего дня и впредь между нами больше нет никакой связи. До самой смерти... не иметь никаких дел друг с другом...

С этими словами Шэнь Чанъи снова трижды подряд поклонился до земли, и одна слеза скатилась по его щеке прямо в пыль.

Поднявшись на ноги, он быстро оставил отпечаток пальца и встал в стороне, поджидая госпожу Шэнь и старика Шэня.

Совсем потерял стыд! — холодно фыркнула госпожа Шэнь, первой приложив палец к бумаге, и поторопила старика Шэня: — Быстрее, пусть эта неблагодарная тварь катится отсюда!

Старик Шэнь ничего не сказал, тоже поставил отпечаток, вытащил справку о прописке семьи Шэнь Чанъи, бросил ее перед ним и холодно посмотрел на него.

Как только договор был заключен, Шэнь Чанъи остался ни с чем. Он поднял документ и справку о прописке, развернулся и помог подняться Нин Сюлань.

Старший, ты носи на спине Жань-гэра, Жо-цзэ, вы с третьим братом держитесь рядом, мы уходим.

Хорошо, папа.

Шэнь Чанъи кивнул, наклонился и тихо спросил Нин Сюлань: — Сюлань, ты как?

Мм. — Нин Сюлань растянула губы в подобии улыбки и кивнула. — Пойдем.

Поддерживая Нин Сюлань нетвердой походкой, Шэнь Чанъи покинул лагерь семьи Шэнь, игнорируя пересуды окружающих у него за спиной, и увел свою семью.

Он не знал, куда им теперь идти. Поскольку они порвали родственные узы, их фактически выгнали из дома, а значит, у них не осталось ни клочка земли под ногами. Неопределенность с дальнейшим путем немного пугала Шэнь Чанъи.

Папа, давай пойдем туда!

Шэнь Чанъи посмотрел в ту сторону, куда указывал Шэнь Цинхэн, и нерешительно произнес: — Там опасно. Мало того, что это самый край лагеря, так еще и у подножия горы, я беспокоюсь...

Лучшего места все равно нет, давай сначала туда пойдем. — Нин Сюлань на мгновение умолкла, вздохнула и успокаивающе похлопала Шэнь Чанъи по тыльной стороне ладони: — Это всего лишь временное пристанище. Место все еще в пределах лагеря, значит, будет хоть немного безопаснее, к тому же там никто не станет докучать.

Будь по-вашему!

Приняв решение, они направились вдаль.

Находясь без сознания, Шэнь Цинжань на самом деле слышал всё, что происходило вокруг. Он вселился в это тело четыре дня назад, но тогда раны оказались слишком тяжелыми, и на слияние души с плотью ушло довольно много времени.

Исходя из воспоминаний прежнего владельца тела, Шэнь Цинжань понял, что он попаданец.

Он переродился в неизвестной династии — Великой Цзинь.

На северо-западе империи Великая Цзинь уже больше года стояла засуха, урожая не было совсем, проблемой стало даже найти питьевую воду. У простого народа не осталось иного выхода, кроме как сняться с насиженных мест целыми семьями и пуститься в бега. Семья Шэнь

Цинжаня тоже оказалась среди этих несчастных.

В тот момент, когда он только прибыл сюда, Шэнь Цинжань уже умирал. Хотя его душа, вселившись в тело, еще не до конца слилась с ним, он отчетливо знал, как именно погубили прежнего хозяина.

Тот был задушен госпожой Шэнь. Вероятно, старуха впервые замарала руки подобным образом и не удостилилась как следует проверить жертву. Заметив, что Шэнь Цинжань всего лишь без сознания, она не стала ломать голову и решила, что просто приложила недостаточно усилий.

При этом она даже не сомневалась, что прежний владелец тела действительно умер, а вырубился кто-то другой.

Родители парня в свое время тоже пытались разобраться в причинах случившегося, но расследование зашло в тупик. К тому же для них сейчас главным было найти лекаря.

Вот только члены старшего клана Шэнь вовсе не собирались тратить на его спасение, напротив, они желали, чтобы он сгинул сам по себе.

Правда, он никак не ожидал, что родители прежнего хозяина окажутся настолько хорошими людьми...

Это заставило Шэнь Цинжаня, потерявшего родителей в раннем детстве, невольно возродиться надеждой.

Он чувствовал: пройдет совсем немного времени, и он сможет очнуться.

Шэнь Чанъи довел семью до места, наскоро собрал кое-какой хворост и соорудил убогий соломенный шалаш, в котором они все вместе и теснились.

Проведя в этой хижине три дня, Шэнь Цинжань очнулся. С трудом приоткрыв глаза, он уперся взглядом в прохудившуюся крышу из соломы и ощутил давящее чувство, будто эта развалюха может обрушиться в любой момент...

В прошлой жизни, когда он был главой молодого поколения клана Шэнь, он жил в такой роскоши, что мог тягаться с самим императором. Даже за те три года, что он провел в лаборатории, он никогда не испытывал нужды ни в еде, ни в крыше над головой...

<http://bllate.org/book/18876/1842949>